

МАКИАВЕЛЛИ ПРОТИВ МАКИАВЕЛЛИЗМА: ПСИХОЛОГИЯ, ЭТИКА, ПОЛИТИКА

Людмила АНЦИБОР

Молдавский государственный университет

MACHIAVELLI VIS-À-VIS DE MACHIAVELISM: PSIHOLOGIE, ETICĂ, POLITICĂ

În articol sunt examinate aspectele de bază ale concepției despre lume a lui Nicolo Machiavelli – cel mai mare gânditor din epoca Renașterii. Doctrina lui Machiavelli este fundamentată pe cunoașterea temeinică a legităților sociopsihologice ale comportamentului uman. Istoriceste, Machiavelli este prezentat ca un cinic fin, care consideră că la baza comportamentului politic stau avantajul (interesul) și forța, precum și că în politică trebuie să te bazezi pe forță, dar nu pe moralitate, care poate fi ignorată în cazul în care se urmărește un scop nobil.

Prin **machiavellism** se înțelege o modalitate de activitate politică, în care se recurge la orice mijloace pentru atingerea scopului propus, fiind bazată pe convingerea că, în procesul de comunicare cu alții, aceștia pot fi și chiar trebuie manipulați, că manipularea este nu doar un mod firesc, dar și cel mai eficient de a exercita influență. Cu toate acestea, în articol se argumentează teza privind realismul învățături psihologice a gânditorului italian și, în special, al ideii de bază fundamentate de dânsul: natura i-a creat pe oameni în așa fel încât ei își pot dori orice; între două poluri – dorință și realitate – apare o tensiune periculoasă (insatisfacția), susceptibilă să-l deprime pe om, să-l facă invidios, perfid sau lacom.

Machiavelli este unul dintre puținii oameni politici ai epocii Renașterii care în lucrările lor au abordat problema privind rolul personalității guvernatorului. Reieșind din realitățile Italiei contemporane lui, țară feudală fărâmițată teritorial, el considera că un principe puternic, fie și lipsit de remușcări, este mai bun în fruntea unei țări unificate, decât niște guvernatori răzleți și rivali.

În operele sale N.Machiavelli a plasat omul în locul dogmelor religioase. În opinia lui, toate procesele care au loc în societate și, prin urmare, în stat, ca institut politic de bază al acesteia, sunt determinate de natura (instinctele) omului sau de rațiunea umană. De asemenea, Machiavelli demonstrează existența unei oarecare dependențe dintre structura socială a societății și forma de guvernare.

Machiavelli contrasta vitejia antică umilinței creștinești. În aceasta din urmă el vedea un viciu, care face lumea mai neputincioasă, fiind dată în mila ticăloșilor cărora nu li se opune nicio rezistență. Astfel, abordând problema corelației dintre normele morale și oportunitatea politică, Machiavelli a dat și un răspuns argumentat psihologic la această problemă.

Trebuie, totuși, de menționat că Machiavelli nu a fost primul care a vorbit despre faptul că contradicțiile sociale constituie unul dintre elementele de bază ale vieții societății. Până la dânsul, asupra acestui fapt au indicat Platon și Aristotel, însă Machiavelli a fost primul dintre gânditorii europeni neantici care a încercat să facă o legătură între procesele ce au loc în societate și în sistemul politic al acesteia.

Cuvinte-cheie: ordine mondială, scop, mijloace, stat, religie, morală.

MACHIAVELLI AGAINST MACHIAVELLIANISM: PSYCHOLOGY, ETHICS, POLITICS

This article describes the main aspects of the worldview of Niccolo Machiavelli – one of the biggest thinkers of the Renaissance. Machiavelli's doctrine is based on a deep knowledge of social and psychological patterns of human behavior. Historically Machiavelli is shown as a keen cynic, who believed that the basis of political behavior is profit or power, and that policy should be based on force, not on the morality, which can be neglected for a good purpose.

Machiavellianism is understood as a political activity, which does not neglect any ways to achieve the goal, and is based on the belief that in communication with others you not only can, but need to manipulate, and manipulation is not just something natural, but also it is the most effective way of interaction. In this article, however, is explained the thesis about profound psychological realism of Italian thinker doctrine and, in particular, his following fundamental thesis that nature has created people so, that they may want anything; between two poles - the desired and actual - there is a dangerous voltage (dissatisfaction), which can fracture the human being, and make him envious, greedy or insidious.

Machiavelli - one of the few figures of the Renaissance, who in his writings raised the question about the role of the leader's personality. He believed, basing on the realities of his day Italy, which suffered from feudal fragmentation, that it is better to have strong prince at the head of the unified sovereign country, even if he has no remorse; than competing specific rulers.

Machiavelli in his writings on the place of religious dogmas placed the man. According to him, all the processes which are taking place in the society and, consequently, in the country as its main political institution, are determined by the human nature (instincts), or the human mind.

Moreover, Machiavelli indicated the presence of certain dependence between the social structure of society and form of government. Machiavelli set the ancient valor against Christian humility. The last he considered something evil, that

makes the world become weak and give it to the power of unopposed villains. Thus, Machiavelli gave a psychologically reasoned response to the question of relationship between moral norms and political expediency.

However, it should be noted, that Machiavelli wasn't the first who spoke about the social contradictions as one of the main element of society. Before him, it was indicated by Plato and Aristotle, but he was the first of European non-ancient thinkers who attempted to link the processes taking place both in the society and its political system.

Keywords: world order, goal, way, state, religion, moral.

Я убежден в том, что величайшее благо, которое может быть принесено и которое больше всего угодно Богу, – это то, что делается ради своего отечества.

Н. Макиавелли (Речь о реформе Флорентийского государства).

На протяжении веков личность Макиавелли вызывала у политиков и ученых массу разноречивых оценок, главная из которых была обусловлена основным выводом в процессе восприятия его учения: *«цель оправдывает средства»*. Это крылатое выражение затмило весь смысл его учения и придало личности Макиавелли вовсе нелицеприятный облик. Постоянно тиражируемый и раздробленный на многочисленные «цитаты» и нелестные интерполяции, этот образ идентифицировался с личностью хитрого и злого человека, который в погоне за властью не гнушается для достижения своей цели никаких средств и методов воздействия на своих подданных и противников. Какова же цель *извращения смысла учения о политике великого флорентийца*? Вероятно, – *как можно дольше держать народ в невежестве*, поскольку в этом состоянии им *легче управлять*.

Со дня написания Макиавелли знаменитого труда «Государь» («Князь») прошло уже свыше 500 лет (1513 г.), но до сих пор этот труд вызывает серьезные споры и размышления философов, ученых и политиков. Бесстрашие логических выводов автора не только смущало его современников, но уже много веков мучает политиков и моралистов. Макиавелли и «зло» по-прежнему являются практически синонимами. Однако Макиавелли не был злодеем, и его политическая философия соприкасалась со злом лишь в том плане, что была чрезвычайно реалистична.

Негативная реакция характеризует скорее его исследователей, а не Макиавелли. Выдвинутая им теория и философия управления государством была изначально задумана как научная, а это означает, что в ней не было места для сантиментов и сострадания. Возможно, именно поэтому поздние интерпретаторы отдельным пунктом выделяют положение о том, что Макиавелли якобы «отделяет политику от морали», хотя сам он нигде об этом не говорит. Цель, которую преследовал Макиавелли, вовсе не была обусловлена стремлением к классификации исторических событий и фактов с точки зрения моральной оценки поступков выдающихся людей. Если исходить из современной классификации типов морального поведения, предложенной Р.М. Айдиняном [1], любой приводимый Макиавелли поведенческий акт можно отнести к тому или иному типу морального поступка: эгоистическому, эгопрагматическому, альтернейтральному, эгоальтеропрагматическому, альтеропрагматическому, альтруистическому и безрассудному.

Созданный Макиавелли шедевр «Государь» – единственный труд, благодаря которому его всегда будут помнить. Эта книга адресована правителям и повествует о том, как следует управлять государством. Если вы управляете государством, утверждает Макиавелли, ваша основная задача – удержать власть в своих руках и управлять государством с максимальной выгодой для себя. И далее он объясняет, как поступать, используя яркие примеры из истории, избегая при изложении фактов проявления сентиментальности. **Никаких проявлений мягкости характера** – так гласит его формула.

Начиная с 1877 г., когда появилось новое исследование Виллари «Machiavellie il suo tempo», и до сегодняшнего дня высказывается предположение о том, что понять истоки и смысл политической теории Макиавелли можно лишь в том случае, если осознать и понять время, в которое жил и творил мыслитель. «Мудрые люди, – отмечал Макиавелли, – очень справедливо и не зря говорят, что желающий предвидеть будущее должен обратиться к прошлому, потому что все события в мире во всякое время могут быть сопоставимы с подобными же им в старину» [6; 454].

Политическая философия Макиавелли лишь косвенным образом отражает его жизнь и обстановку, его окружавшую. Основная заслуга итальянского мыслителя заключается в том, что его теория осно-

вываается не только на событиях, свидетелем которых он являлся сам, но и на том, что он сопоставляет их с историческими фактами: «деяния великих людей, приобретенные мною многолетним опытом в делах настоящих и непрерывным изучением дел минувших» [6; 7].

В «Государе» Макиавелли развертывает перед читателем картину культурного быта Италии в эпоху Возрождения. Известно, что много лет подряд он активно участвовал в политической жизни Италии эпохи Ренессанса. Излагая биографию Макиавелли в связи с историей его времени, исследователи стараются показать, как слагались постепенно его политические воззрения под влиянием пережитых им событий и впечатлений, полученных им на протяжении его продолжительной служебной карьеры.

Анализ работ флорентийского секретаря выявляет, во-первых, то, что его политическая доктрина не что иное, как поиск ответа на вопрос: как *должно* быть устроено государство, чтобы оно не страдало теми недугами, которыми была заражена Флоренция того времени. Основные вопросы, которые волнуют мыслителя, – какова *воспитательная задача государства*, каковы условия, которые благоприятствуют развитию гражданских добродетелей, развитию морали и нравственности.

Согласно Макиавелли, Мир – это не гармоничный порядок, созданный любящим Творцом, но хаос сил, враждующих с человеком – самой беспомощной тварью из всех, живущих на земле. Плачем приветствует он этот мир страданий, отвратительным хрипеньем заканчивает свое жалкое существование. Природа вооружила всех животных орудиями борьбы, один человек рождается беспомощным [4; п. VIII. Ст. 40-41]. И если он чем-нибудь превосходит остальных тварей, так это – своими непомерными желаниями, которые даны ему лишь на то, чтобы *страдать и мучиться*. Звери своим чутьем умеют отличать «полезное» от «вредного». Один человек бесцельно бродит и нигде не находит себе убежища [4; Ст. 19]; его страсти не дают ему покоя и гонят его в смрадные и злачные места [4; Ст. 20]. Животные удовлетворяются немногим, люди же боятся бедности и ищут богатства, которое закрывает им путь к добру [4; Ст. 22]. Животные удовлетворяют свои страсти лишь настолько, насколько того требует природа; человек же погрязает в сладострастии и любит пороком [3; Ст. 31]. Звери питаются тем, что им посылает небо, человек же посылает гонцов во все части света и ныряет на дно океана, чтобы насытить свою утробу [4; Ст. 34].

Природа *изощирила человеческие способности*, наделила человека гибкими членами и даром слова, но она же и влила в человека яд тщеславия и алчности [4; Ст. 44]. Природа наделила человека потребностями и влечениями, но лишила его средств удовлетворять их. Изощенные способности человека – причина его страданий, богатство человека – источник его нищеты и бессилия [4; Ст. 39]. Человек – это не царь природы, а самое жалкое и беспомощное существо, но у него есть общее со всеми животными – *чувство самосохранения*. Это чувство заставляет его бороться с природой, и чем беспомощнее человек, чем необузданнее его страсти, тем отчаяннее его борьба за существование.

Сознавая свое бессилие в борьбе с природой, человек стал искать союза с себе подобными. Люди, жившие первоначально разрозненно, стали сближаться между собой, дабы общими силами отражать общих врагов. Так возникло государство [5; 102-108]. Обнаружив в общежитии средство отражать внешних врагов, человек обратился к борьбе с самим собою, со своими страстями. Пока люди жили разрозненно, ничто не побуждало их сдерживать свои страсти. Соединившись же в *государство*, люди поняли, что эти страсти – враги всякого общежития и что внутренний мир может быть обеспечен лишь тогда, когда люди откажутся от исключительного преследования своих эгоистических стремлений и в интересах мирного общежития обуздают свои страсти. Из этой борьбы людей со своими страстями возникли *нравственность* [5; 102-108] и *религия* [5; 131-137], обуздавшие человеческие влечения. Зло, выражавшее беспомощность человека среди враждебного ему мира и необузданность его страстей, породило добро и его плоды – *государство, нравственность, религию*. Но добро порождает и новое зло. Забывая уроки прошлого, люди разрушают творения рук своих и легкомысленно стирают с лица земли все то, что в поте лица своего отвоевали их предки [4; Песнь V. Ст. 30-31, 34-35]. Они не могут идти в ногу со временем и изменяют свои мнения о нем [6; 235]. Людские аппетиты ненасытны, ибо природа вкладывает в них желание всех вещей, но судьба редко позволяет этому осуществиться. Отсюда проистекает вечное недовольство, бродящее в умах, и пресыщение тем, что доступно [6; 236].

Люди не удовлетворяются приобретенными благами, они стремятся расширить свои границы. Государства поглощают чужие владения и тем самым уготовляют себе погибель [6; 10-14]. Сильные, по-

беждая слабых, изнуряют свои силы и, в свою очередь, становятся добычей сильных. Одно государство основывает свое величие на развалинах другого лишь для того, чтобы, обессилев в борьбе, уступить место следующему. Так чередуются величие со слабостью, а возвышение государства становится причиной его упадка [6; 18-19]. Но не только алчность и властолюбие государей снимают с мест целые народы, лишают родины жителей той или иной местности. Другой вид войн заключается в том, что население так умножается, что для всех не хватает пищи [6; 259], и люди отправляются искать себе новое пристанище в чужой стране. Те, которые, в свою очередь, выросли среди благоустроенного общежития и не испытали изменчивости судьбы, забывают, какой ценой достигались блага, которыми они пользуются [5; 129-134]. Затем покой, наступающий в государстве, в котором процветает нравственность и уважается религия, порождает праздность и довольство, а *праздность и довольство – это источник пороков* [4; Ст. 27—28, 32—34.]. Таким образом, покой, который отвоевали себе люди, учредив религию и нравственность, является причиной нового зла, разрушающего государство. Так зло порождает добро, а добро – зло, и одно является причиной другого [4; Ст. 32—34], [4; 415-417].

Но не только люди разрушают созданное ими. Существует еще другая сила, врывающаяся в область, которую отвоевал себе человек. Это – *сила судьбы*. «Если как следует присмотреться к делам людским, то можно увидеть, что по воле небес часто происходят события, которые невозможно предотвратить» [5, с. 325]. Однако судьба, по Макиавелли, – это не имманентная миру сила, которая управляет им по определенным, неизменным законам; это и не фатум, которому бы слепо подчинялись люди. Судьба, как ее понимает Макиавелли, – какая-то стихийная сила, вмешивающаяся в дела людей лишь в эпохи брожения, в эпохи всеобщих переворотов. Макиавелли сравнивает ее с рекой, которая, обратившись в бурный поток, заливая собой целые долины, срывает деревья и жилища, смывает землю с одного места и наносит ее на другое. И как река постепенно входит в свои берега, так и для людей снова наступают времена, когда они не испытывают превратностей судьбы и могут свободно направлять ее течение по своему произволу [6; 85-88]. Так и судьба, преследуя какие-то свои особенные цели, ослепляет людей и руководит ими, совершенно независимо от их свободной воли. Таким образом, судьба не есть фактор, постоянно присущий мировым явлениям, она *лишь порой* нарушает естественное течение событий.

Но и там, где движущей силой является судьба, человек не утрачивает *безусловно* своего значения. Макиавелли «заставляет» человека играть *роль орудия судьбы*, исполнителя ее предначертаний. Когда судьба хочет совершить великие дела, то она избирает человека, имеющего достаточно ума и мужества, чтобы понять благоприятность условий и воспользоваться ими. Когда же судьба хочет совершить какой-нибудь важный переворот, тогда она также выставляет передовых людей, которые должны содействовать ей, произвести этот переворот. «Таковы прихоти судьбы, которая, желая свершить грандиозные дела, избирает человека, наделенного такой доблестью и таким величием духа, что он умеет распознать предоставленные ему возможности. Точно так же, подготавливая великие бедствия, судьба подыскивает людей, им способствующих» [5, с. 327]. «Из всех исторических сочинений явствует, что люди могут приноравливаться, но не сопротивляться; могут плести ее сети, но не обрывать их» [5; 328].

Человек, однако, может и должен вступать в борьбу с судьбой. Макиавелли не случайно сравнивает действие судьбы с рекой, внезапно выступившей из берегов. Этим сравнением он пользуется, дабы пояснить, что люди имеют в своем распоряжении средства, могущие предупреждать вредные последствия вторжения судьбы: ведь плотинами и каналами можно предупреждать разлитие реки. Судьба лишь там проявляет свою власть, *где нет силы, способной оказать ей сопротивление* [6; 325-328].

Кроме судьбы, действующей порывами, Макиавелли признает существование еще одной силы, которую он тоже иногда называет судьбой, но которая имеет уже иное значение. «Все же никогда не стоит отчаиваться, ибо цели её от всех укрыты, и бредет она окольными и неведомыми путями, поэтому никогда не следует терять надежду и опускать руки, какие бы беды и несчастья ни случались» [5, с.328]. Он называет ее *счастьем*, когда она благоприятствует людям, и *несчастьем*, когда она становится им поперек дороги. Эта сила есть не что иное, как *стечение случайных обстоятельств*, слагающихся помимо воли людей. Хотя везде у Макиавелли проступает воззрение, по которому все, что не относится к физической природе, есть создание человека. И тем не менее, изучая историю, он не мог не заметить, что многое в политической и общественной жизни народов не может быть объяс-

нено одним этим фактором. И вот, чтобы выйти из затруднения, он приписывает все то, что не может быть объяснено свободной волей людей, вмешательству судьбы.

Сила судьбы обратно пропорциональна силе людей. Там, где человек свободно проявляет свои способности, там область, в которой хозяйничает судьба, ограничена [6; 328-332]. Там же, где люди слабосильны и вялы, там судьба держит их в своих руках (Dove gli uomini hanno poca virtù, la fortuna dimostra assai la Potenza sua).

Великие люди, говорит Макиавелли, остаются такими же, какими они и были ранее, вне зависимости от того, как бы счастье ни колебалось; и когда судьба меняется, возвышая их или унижая, они остаются верны себе, сохраняют бодрость духа и свойственный им образ действий, так что всякий видит, что судьба не имеет над ними власти. Иначе поступают *бессильные люди*: они пьянеют от счастья и делаются тщеславными, приписывая все доставшиеся им случайно блага добродетелям, которых они никогда и не знавали [6; 428-431]. Таким образом, счастье и несчастье не стесняют деятельности великих людей: они идут прямо к своей цели, не рассчитывая на счастье и не смущаясь несчастьем. Счастливое стечение обстоятельств имеет для них значение лишь настолько, насколько оно предоставляет им удобный случай к приложению своих сил и умений. «Итак, каждому из этих величайших мужей выпал счастливый случай, но только их выдающаяся доблесть позволила им раскрыть смысл случая, благодаря чему отечества их прославились и обрели счастье» [6; 24].

Иногда вмешательство судьбы облекается в форму, более доступную человеческому уму, т.е. время от времени, говорит Макиавелли, происходят перевороты, производимые или людьми, или небесами. К последним должно причислить чуму, голод, наводнения. «Что такие явления бывают, в этом, я думаю, – говорит Макиавелли, – сомнения быть не может как потому, что рассказами о них наполнены исторические повествования, так и потому, что действие их выразилось в забвении прошедшего, и, наконец, потому, что они лежат в порядке вещей» [5; 255].

Вмешательством судьбы Макиавелли объясняет и те перевороты, которые наступают в известные промежутки времени и разрушают все результаты предшествующего исторического развития. Эти перевороты уничтожают не только все выработанное человеком, но и изглаживают самую память о прошедшем. Та горсть людей, которая остается в живых после всеобщего крушения, не принадлежит к носителям того порядка, который был выработан предшествующими поколениями. Поэтому эти люди и не могут служить посредствующим звеном между отжившим человечеством и долженствующим народиться вновь. Они даже не способны хранить память о прошедшем, ибо это прошедшее отошло в вечность, не успев даже задеть их. Но хотя они и не несут на себе следов стертости с лица земли порядка, они, тем не менее, имеют природу, общую всем людям, они всё же несут в себе тот источник, из которого вылился разрушенный строй. Несмотря на всеобщее разрушение, зло с корнем не вырвано, ибо это зло заложено в самом человеке. История человечества не есть, следовательно, прогрессивное движение, разложение старого, зарождение новых сил и их развитие, люди не способны к усовершенствованию; они даже не способны устоять на том уровне, на котором застаёт их естественное состояние, они лишь спускаются все ниже со ступеньки на ступеньку, пока испорченность их не достигнет крайних размеров, и новый переворот не очистит мир от накопившейся людской злобы.

Итак, природа ничего человеку даром не уступает, и он вынужден отвоевывать каждую пядь земли, каждый кусок хлеба, вести неустанную и отчаянную борьбу с природой и с себе подобными. Лишь ценою такой борьбы он может достигнуть цели своего существования и удовлетворить свои потребности. В догосударственном быту человек следует правилу: *цель освящает средства*. Но человек постепенно преодолевает сопротивление, оказываемое ему природой, и заставляет ее служить своим интересам. За борьбой с природой следует мир, и тогда человек в своих отношениях к внешней природе перестает следовать этому правилу. Он не проводит более дней и ночей в беспорядочной погоне за добычей, не топчет лугов, не убивает первого попавшегося ему зверя, не опустошает леса и поля, а удобряет пашни, приручает зверей, бережет лес, орошает луга и собирает жатву: человек лелеет природу, природа кормит человека.

Мир с природою научает человека *дорожить и миром с себе подобными*. Соединившись в общегитие, люди создают средства, которые позволяют им достигать его целей с наименьшей тратой времени и труда. Достичь этих целей можно лишь в том случае, если не прибегать к действиям, противоречащим интересам отдельных членов союза. Тем самым они вводят законы и учреждения, которые

освящают эти средства, и грозят наказанием всякому, пользующемуся иными средствами. Эти законы и учреждения устанавливают такой общественный порядок, который делает излишним заставлять человека при необходимости соблюдать эти правила, прибегать к суровым и жестоким мерам. Тем самым они позволяют каждому человеку удовлетворять свои интересы, не мешая при этом и другому достигать того же.

Таким образом, люди создают среди внешнего *нецелесообразного* мира – *искусственный и целесообразный*. В таком целесообразном порядке правило «цель освящает средства» непреложно, ибо тут целям общежития соответствуют **законные средства**. Но с течением времени это соответствие между целями и средствами нарушается. Потребности и вместе с ними *цели общежития изменяются*, средства же, воплотившись в форму законов, учреждений, нравственных правил, религиозных верований, остаются без изменения. Общественный порядок перестает быть целесообразным: и правители и граждане для удовлетворения вновь возникших потребностей вынуждены нарушать освященные временем правила. В такие *эпохи революций безнравственные действия неизбежны*, ибо лишь ценою суровых и жестоких мер, нарушающих интересы отдельных лиц, может быть введен новый целесообразный порядок. Именно в такие эпохи общественных кризисов правило «цель освящает средства» снова вступает в силу.

Но и при таких исключительных условиях государственной жизни это **опасное правило** не применяется безусловно. Не всякая цель освящает любое безнравственное средство. Суровые и жестокие меры можно извинить лишь в том случае, если эта цель *необходима в интересах общего блага*, лишь в таком случае она может быть достигнута ценою таких суровых мер. Макиавелли порицает государственных людей, пренебрегающих нравственными соображениями для достижения власти и славы, но извиняет тех, которые, имея в виду исключительно общее благо, были вынуждены прибегать к жестоким мерам. Он противопоставляет Цезаря Ромулу: первый своим пренебрежением правами народа разрушил римскую свободу, второй своими суровыми мерами положил основание величии Рима.

Нравственная цель, согласно Макиавелли, не оправдывает всякого безнравственного средства. Жестокие меры могут быть оправданы лишь в том случае, если добро, купленное ценою этих мер, превышает причиненное ими зло. Когда политическому деятелю предстоит одно из двух – решиться на жестокую меру и этим причинить непосредственное зло меньшинству или же отказаться от этой меры и дать развиваться общественному недугу, могущему заразить все общество и погубить его, то он должен принести в жертву интересы меньшинства интересам большинства, следуя известному правилу: «из двух зол должно выбирать меньшее». Вместе с тем Макиавелли предупреждал, что нельзя никогда давать простора злу из-за какого-нибудь добра, если добро легко может быть уничтожено злом. Даже если в эпохи общественных кризисов и дозволено прибегать к жестоким мерам, то при нормальном течении общественной жизни всякая незаконная деятельность опасна. Он предостерегает государственных деятелей об опасности следовать правилу – «цель освящает средства».

Макиавелли развивает мысль о том, что в благоустроенной и неиспорченной республике правители не имеют ни повода, ни возможности творить зло, что все цели общежития могут быть достигнуты законными средствами и что безнравственный поступок, могущий оказаться полезным в тирании, сам себя наказывает в неиспорченной республике [5; 32-36, 175-180].

Те ученые, которые возмущаются безнравственностью политической доктрины Макиавелли, рассуждая об отношении политики к морали, берут в основу критики его теории о власти именно это положение – «цель оправдывает средства». При этом они упускают из виду именно то, что является наиболее важным в его теории – целостность, диалектику и объективность. Любая сентенция Макиавелли подтверждена реальным поступком, событием, историческим фактом, в то время как его критики *утверждают*, что цели политики не должны противоречить морали, но при этом они *допускают*, что государственные люди, преследуя свои цели, вынуждены прибегать к средствам, несовместимым с предписаниями абсолютной морали. Однако они не подкрепляют этих положений теми доводами, к которым прибегает Макиавелли.

Возможно, это различие в аргументации объясняется тем, что данные исследователи являются приверженцами *телеологического подхода*, в то время как Макиавелли отрицает целесообразность мирового порядка. Таким образом, автор «Государя» оправдывает безнравственные средства в политике *несовершенством общественного порядка* и отсутствием законных средств для достижения не-

обходимых целей общежития. Ученые, убежденные в целесообразности всего существующего, вынуждены прибегать к самым отчаянным уловкам, чтобы объяснить факт, не увязывающийся с их мирозерцанием.

Мир, согласно учению телеологов, есть создание разумного существа, устроившего Вселенную в соответствии с известной целью и согласно этой цели. Поскольку в этом мире нет ничего случайного, каждое явление есть необходимая составная часть мирового плана и предназначено служить конечной цели мироздания. Но если в мире все разумно и целесообразно и во всем проявляется разумность Творца, то и само зло *должно быть добром* и содействовать осуществлению изначально предначертанного плана. Такое объяснение зла есть необходимое следствие телеологического мирозерцания, для которого все, что существует, разумно и поэтому должно преклоняться перед злом и видеть в нем необходимый элемент целесообразного порядка.

Таким образом, если Макиавелли отрицает разумность мироздания и видит в *государстве учреждение, созданное людьми для борьбы против зла и способное до известной степени смягчить людские страдания*, то политики-телеологи объясняют необходимость прибегать к безнравственным средствам подсобной ролью зла в мировом порядке. Например, Блунчли в свое время стремился оправдать безнравственные средства в политике рассуждениями о том, что зло имеет в мире лишь преходящее значение [2]. Зло, согласно его учению, есть необходимая составная часть нравственного порядка и существует лишь для того, чтобы содействовать торжеству добродетели. В этом смысле можно говорить о дурных средствах, служащих благим целям. В таком случае проступок отдельного лица осуждается *частной моралью*; рассмотренный же в связи с общим ходом политического развития, он нередко выступает как необходимое звено в общей цепи событий, содействовавших усовершенствованию государственной жизни. При рассмотрении «зла» с этой точки зрения, оно перестает быть злом и становится добром. Несуразность данного рассуждения очевидна. Блунчли оправдывает политика, который не руководствуется правилами *абсолютной морали*, обязательными для частного человека, тем, что политик вынужден действовать через людей и на людей. Поэтому он должен иметь в виду не идеального человека, а считаться с недостатками людей и уметь стать на средний уровень народного менталитета. Между тем частный человек может вести созерцательную жизнь, удалиться от соблазнов суеты и углубиться в самого себя. Таким образом, человек может соблюдать строгие правила абсолютной морали, лишь ведя жизнь отшельника, а деятельность среди людей вынуждает политика приноравливаться к нравственному уровню большинства. В таком случае непонятно, почему нельзя на том же основании оправдывать и безнравственные поступки частных лиц, вынужденных действовать на поприще практической деятельности?

Иначе объясняет отношение политики к нравственности Б.Н. Чичерин, формулирующий свое мнение следующим образом: политику невозможно подвести под точку зрения безусловной нравственности, точно так же, как нельзя приложить к государству абсолютное право [3]. Над тем и другим господствует высшая цель политической жизни – *общее благо*. Эта цель сама по себе есть начало нравственное, но она не всегда может быть достигнута безукоризненными средствами. От частного человека можно требовать, чтобы поступки его были безупречны, ибо цель, которую он себе полагает, – это личное счастье. Но счастье не есть неперемнная и необходимая цель и должно подчиняться высшим требованиям. Таким образом, частный человек должен жертвовать своим счастьем в пользу своего личного достоинства, и благоденствие народа нельзя приносить в жертву абсолютной строгости нравственных правил.

В политике верховный закон есть общее благо (*salus populi suprema lex*): для спасения отечества приходится иногда жертвовать всем. Правитель не может уклониться от деятельности, он обязан управлять государством, избирая тот путь, который возможен [6; 22, 86]. Если цель должна быть достигнута, то позволительно в случае крайности прибегать к таким средствам, которые не оправдываются нравственностью. В данном случае проявляется столкновение двух начал, при котором нравственный закон не может притязать на безусловное владычество.

Если во имя общего блага позволительно жертвовать нравственными соображениями лишь потому, что за счет такой жертвы может быть куплено благо народа, перевешивающее нарушение интересов отдельных лиц, то почему, спрашивается, это соображение пользы применимо лишь в области общественной жизни и не способно оправдать безнравственных поступков частных лиц? Если уж

встать однажды на точку зрения *пользы*, то непонятно, почему эта точка зрения уместна лишь в сфере политики? В частной жизни каждого человека существуют такие же необходимые цели, как и в политике, ради достижения которых, исходя из соображений пользы, можно оправдать известные средства, несовместимые со строгими правилами морали. То, что служит спасению государства для народа, может оказаться, например, для семьи сохранением жизни отца, который ее кормит и поит. В данном случае вопрос о дозволительности безнравственных средств сводится к вопросу о *степени важности тех целей*, во имя которых прибегают к безнравственным средствам. В таком случае будет непоследовательным утверждать, что такие цели существуют только в политике.

Государство само по себе цели не имеет: оно не что иное, как средство, с помощью которого люди удовлетворяют потребности, вложенные в них природой. Не люди существуют для государства, а государство для людей. Потребность общими силами защищать общие интересы соединила людей в общезнание. Созданное всеми и для всех государство и должно служить интересам всех. Цель государства – общее благо [5; 191-196]. Но по силам ли такая задача государству, как его понимает Макиавелли? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны ознакомиться с его взглядами не только на мироустройство в целом, но и на природу человека.

Макиавелли признает, что в человеке уживаются самые разнообразные влечения, которые в «силу необходимости» и управляют его деятельностью [6; 384]. В то же время человек не обладает врожденными нравственными понятиями, т.е. он лишен всякой внутренней силы, которая сдерживала бы его влечения и направляла бы их в нужное для общества русло. Влечения человека возбуждаются внешними впечатлениями и проявляются тем сильнее, чем сильнее и чувствительнее полученный ими извне толчок. Хотя люди и *хвалят, заслуживающее похвалу, а хулят, заслуживающее хулу*, тем не менее большая часть из них, ослепленных ложным счастьем или ложной славой, чаще всего преднамеренно или невольно вступают на путь тех, кто заслуживает более порицания, нежели похвалы. Если деятельность людей направляется влечениями, возбуждаемыми внешними случайными обстоятельствами, то эта деятельность не может быть ни устойчивой, ни последовательной. Поэтому людей нетрудно убедить в чем-либо, но нелегко поддерживать их в этом убеждении – «ибо... нрав людей непостоянен, и если обратить их в свою веру легко, то удержать в ней трудно» [6; 24].

Люди непостоянны по самой своей природе, и лишь законы в состоянии обуздывать их страсти. Напрасно писатели говорят, будто *народ непостоянен*: неустойчивость есть недостаток, присущий всем людям, и *князь, не сдержанный законами, еще изменчивее толпы* [6; 224-229]. Если же мы видим, что люди перестают иногда колебаться между различными чувствами и стремительно преследуют известную цель, то это объясняется не настойчивостью и последовательностью, а тем, что какой-либо внешний толчок вызвал в них с особенной силою известное влечение, которое всецело и овладевает ими. Если, например, что-нибудь угрожает людям опасностью, то их охватывает чувство страха, и безотчетно отдаваясь ему, они направляют всю свою деятельность к устранению этой опасности. Люди, заключает Макиавелли, не имеют власти над своими страстями и в стремлениях и желаниях не умеют соблюдать чувства меры. Так, например, люди в своем стремлении завоевать себе свободу увлекаются до того, что угрожают свободе других, и ту же самую несправедливость, против которой они только что вооружились, причиняют другим, как будто, прибавляет он, нужно обижать или быть обиженным [6; 201].

Это неумение сдерживать свои страсти, действовать спокойно и обдуманно нередко бывает причиной того, что деятельность людей, направленная на известную цель, остается постоянно неудовлетворенной. Этим же объясняется и то, что люди бранят настоящее, хвалят прошлое и с надеждой глядят в будущее, не руководствуясь при этом никакими разумными мотивами [6; 236]. Эта ограниченность способностей человека, а также неуёмность его желаний, порождают неуверенность в своих силах, которую человек проявляет во всех своих действиях. Русская поговорка: *блудлив, как кошка, труслив, как заяц*, вполне применима к человеку, как изображает его нам Макиавелли. Благодаря этой прирожденной трусости человека, в нем легко возбуждается и поддерживается чувство страха, которое является одним из главнейших мотивов человеческих действий [6; 233]. Люди из-за своей трусости, говорит Макиавелли, мстят за мелкие обиды; когда же им наносятся чувствительные обиды, то у них недостает мужества отомстить за них. Сравнивая любовь со страхом, Макиавелли замечает, что последнее чувство постоянное, и поэтому советует своему князю воздействовать на людей не любовью, а страхом: «свирепость зрелища одновременно удовлетворяет и ошеломляет народ» [5; 29].

Согласно Макиавелли, в человеке преобладают дурные влечения. «Люди, – отмечает он, – более склонны к злу, чем к добру» [5; 146]. Про них можно вообще сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, трусливы и корыстолюбивы [5; 96]. Но как бы ни были разнообразны эти влечения, они связаны одним общим мотивом. И этот мотив – эгоизм. *Эгоизм* – отличительная черта человеческой природы; из него проистекают все человеческие влечения, среди которых Макиавелли отводит первое место корыстолюбию [5; 100-101, 349-372] и властолюбию [5; 311-314]. Страсть к приобретению земных благ у имущих так же сильна, как и у неимущих; и человек, имеющий столько же, сколько и всякий другой, не владеет спокойно, а стремится приобретать новые блага, принадлежащие другим. Человек, таким образом, до такой степени своекорыстен, что смотрит даже с завистью на тех, которые не имеют над ним никакого преимущества. *Зависть* преследует человека повсюду, и нет такого положения, которое могло бы удовлетворить его. Макиавелли неоднократно указывает на зависть как на один из главнейших мотивов человеческой деятельности [6; 233, 311-314, 334-336].

Если люди до такой степени дорожат земными благами, что не могут смотреть на ближнего без того, чтобы в них не зародилось желание завладеть тем, чем он владеет, то всякое действие, лишаящее их тех благ, которые принадлежат им лично, должно возбудить в них еще большие страсти. Человек, как нам представляет его Макиавелли, крайне чувствителен ко всякой наносимой ему обиде и никогда не примирится с человеком, нарушившим его личные интересы. Чувство мести настолько сильно в людях, что, отдаваясь ему, они готовы жертвовать всем, даже теми благами, которыми они всего более дорожат [6; 323-325]. И любовь, являясь одним из главных движителей человеческой деятельности, есть не что иное, как чувство, обусловленное эгоистической природой человека, плата за полученные благодеяния [6; 36-41]. Каким же образом могут эти эгоисты, соединившись в государство, отказаться от исключительного преследования своих личных интересов и сделаться носителями общего блага? Макиавелли не избегает этого вопроса. Напротив, он постоянно имеет в виду несоответствие между природою людей и обязанностями, которые возлагает на них жизнь в государстве. Всё его политическое учение есть не что иное, как ряд правил, имеющих целью указание тех средств, с помощью которых это несоответствие может быть сглажено. И средства эти заключаются в обуздании своекорыстных влечений людей и в привитии гражданам нравственных качеств, которые сделали бы их способными служить общему благу. Но возможно ли обуздать своекорыстные влечения людей и заставить их действовать на благо общее?

Люди действуют хорошо лишь тогда, когда их влечения сдерживаются и направляются разумной силой. Люди делают добро только по необходимости, но там, где существует полная свобода выбора и можно поступать, как хочешь, там сразу начинаются смуты и беспорядки [6; 109]. Там, где свобода их ни в чем не стеснена, там возникают замешательство и беспорядок. Этой стороной человеческой природы и должны воспользоваться основатели и организаторы государства. Они должны устроить государственную жизнь таким образом, чтобы внешняя сила воздействовала на людей и заставляла их действовать лишь в направлении, полезном общежитию. Эта сила, ввиду крайней впечатлительности и неустойчивости человеческой природы, должна быть, во-первых, *силою принудительной*, во-вторых, *постоянно воздействующей* на людей. Она должна быть мечом Дамокла, висящим над головами граждан и напоминающим им об их обязанностях. Очевидно, что такой силой не обладает ни школа, ни церковь. Как бы хороши ни были правила, которые прививает человеку воспитание, они не в состоянии развить в человеке нравственной устойчивости: сталкиваясь с соблазнами жизни, поддаваясь влиянию новой среды, человек изменяет правилам, вложенным в него воспитанием. В 42 главе из «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» с названием «О том, как легко люди поддаются порче», он показывает, насколько легко развратить людей и переиначить их природу, как бы они ни были до того благонравны и воспитаны в добрых правилах [6, с. 196]. Но и религия, пока она действует на людей путем проповеди, с его точки зрения, бессильна обуздать страсти людей. Лишь тогда, когда она является политическим орудием в руках государства, или когда она говорит устами вооруженного пророка, она перестает быть гласом вопиющих в пустыне [6; 131-139]. Вооруженные пророки побеждают, а безоружные гибнут – говорит Макиавелли [5; 24]. Сила, долженствующая обуздать страсти людей и воспитать в них гражданские добродетели, может заключаться лишь в условиях государственной жизни. Только эти условия, среди которых постоянно вращается гражда-

нин, и которые действуют на него с неотразимой силой, могут заставить его отказаться от исключительного преследования своих личных интересов. Только государство обладает авторитетом, способным сдерживать страсти людей и направить их влечения на благоую цель. Влечения людей сами по себе не вредны: они становятся таковыми лишь тогда, когда им дается полный простор и когда их не направляет и не регулирует разумная сила, сознательно стремящаяся к благой цели [6, с. 22-25]. Одно и то же влечение является то рычагом для великих гражданских подвигов, то источником безрассудных и губительных поступков. Задача государства в борьбе с человеческими влечениями – сдерживать эти влечения там, где они могут иметь лишь вредные последствия, и давать им волю там, где они могут служить стимулом плодотворной деятельности.

Таким образом, Макиавелли рассматривал политические вопросы не с односторонней точки зрения практического политика, он изучал явления государственной жизни в связи со всеми влияющими на них условиями. Он не только не отрицал морали, а напротив, считал нравственные требования обязательными для политика и видел в гражданских добродетелях главное основание общежития. Он с неумолимой логикой доказывал развращающее влияние деспотизма на народные нравы. Именно в республике он видел государственную форму, которая может примирить противоположность общественных интересов, обеспечить материальное благосостояние народа и раскрыть этому народу путь к нравственному просветлению. Отсюда следует, что «всякий вид общежития, будь то религиозный культ, царство или республика, ни в чем так не нуждается, как в восстановлении своего первоначального авторитета, сохранении добрых порядков или достойных людей, которые могли бы об этом позаботиться, чтобы не пришлось ожидать воздействия сторонней силы» [6; 343].

Таким образом, согласно учению Макиавелли, три основополагающих понятия – *Родина – Добродетель – Слава* – составляют основу мироустройства. Эти понятия формируют нравственную основу социального взаимодействия, которая негласно должна регулировать нормальное функционирование общества.

Библиография:

1. АЙДИНЯН, Р.М. *Трактат о счастье*. СПб.: Флетейя, 2008, 88 с. ISBN 978591419-098-6.
2. БЛУНЧЛИ, И.К. *История общего государственного права и политики от XVI века по настоящее время*. Москва: Изд-во "Её медиа", 2012, 604 с. ISBN: 978-5-8849-9127-9.
3. ЗОРЬКИН, В. Д. *Чичерин* / Отв. ред. П. С. Грацианский. Москва: Юридическая лит-ра, 1984, 112 с. — (Из истории политической и правовой мысли).
4. МАКИАВЕЛЛИ, Н. *Золотой осёл* / Пер. с ит. – Москва: Худож. лит., 2001 – (Европейская старинная литература).
5. МАКИАВЕЛЛИ, Н. *Сочинения*. Москва: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во «Фолио», 2007, 627 с. – (Антология мысли). ISBN 966-03- 0283-5.
6. МАКЪЯВЕЛЛИ, Н. *Государь*: [Сб.: пер. с итал.]/ Никколо Макьявелли. Москва: АСТ, АСТ 2008. 461 с., ISBN 978-5-17-031320-4

Prezentat la 22.11.2013